

Włodimir
Miakiszew

Kraków

Правильные неправильности в языке Литовского Статута 1588 года (об обоснованных отклонениях от узуса)

Regular Irregularities in the Language of the Lithuanian Statute of 1588 (On Justified Exceptions to Usage)

В конце XVIII века известный польский историк права Тадеуш Чацкий, первым из ученых обратившийся к текстам *Литовских Статутов*, о своих побочных – можно сказать „лингвистических” – впечатлениях писал: „W ruskim języku [...] nie było gramatyki, nie było zatem prawideł”.¹ Впрочем, задолго до Т. Чацкого подобное мнение высказывал один из кодификаторов *Второго Статута* Августин Ротундус: в предисловии к своему латиноязычному переводу кодекса он заметил, что „język ruski (w przeciwieństwie do łaciny) nie ma stałych zasad gramatyki”.² Сторонних наблюдателей, должно быть, удивляла необычная пестрота „рускомовной” картины; положение, когда подавляющее большинство явлений сопровождается почти обязательной поливариантностью. Представления об организации письменно-литературных языков – как известные в то время, так и ставшие привычными позже – такой „калейдоскопической” структуры не допускали. Тому должна была препятствовать норма.

Нормированность литературного языка „предполагает его кодифицированность в грамматических руководствах, либо – как это было с церковнославянским языком до XVI в. – существование большой письменной традиции, обуславливающей эксплицитное усвоение норм литературного языка”.³ Кодификации „руская мова” (далее – РМ) не знала.⁴ В отсутствие регламентирующего начала установку на правильность могла давать ориентация „рускомовных” авторов на свое знание письменной традиции, однако здесь им волей-неволей приходилось

¹ *Dzieła T. Czackiego*, t. 1, Poznań 1844, s. 66.

² См.: J. Jakubowski, *Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*, Warszawa 1912, s. 70.

³ Е. А. Целунова, *К вопросу о нормированности Юго-западного литературного языка XVI–XVII вв.*, „Языкознание” 39 (2) 1988, с. 21.

⁴ *Граматыка словенская* 1643 г. студента Сорбонны Иоанна Ужевича не может рассматриваться в качестве нормативного источника: ее единичные списки на латыни скорее всего не покидали территории Франции, а главное – не были в состоянии воздействовать на упорядочение административного литературно-письменного языка ВКЛ ни хронологически, ни „тематически”: Иоанн Ужевич ориентируется на описание не актово-канцелярской, а религиозно-полемической разновидности „мовы”. Не случайно А. И. Соболевский характеризовал описываемый здесь язык как „юго-западный литературный ...XVII века” (А. Соболевский, *Граматика І. Ужевича*, „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца”, кн. XIX, вып. II, 1906, отд. V, с. 6).

учитывать то обстоятельство, что „w swych częściach składowych język urzędowy był wyrazem [...] zaborczości wpływu Polskiego, zwierciadłem, odbijającym rozwój języka białoruskiego, a częściowo i ukraińskiego”.⁵

Именно подобная разнонацеленность, наряду с толерантной позицией по отношению к выбору языковых средств в рамках не только горизонталей „свое – чужое”, „традиционно-письменное – живое-разговорное”, но и вертикали „старое – новое” и предопределяла специфику „рускомовной” организации: многовекторность ориентаций оборачивалась многоликостью форм.

При всем этом рассматриваемая языковая система характеризуется упорядоченностью и даже строгостью, что постараемся показать на примере языка кодекса 1588 года – столь же типичного для РМ в целом, сколь для нее образцового⁶, исполнявшего роль „фактычнага заканадаўцы побач з прававымі таксама і моўных нормаў”.⁷

„Рускомовная” узуальная норма достаточно четко определяет что можно, а чего нельзя использовать в административно-деловом тексте. При этом отлаженность языкового механизма подтверждается не только соблюдением многочисленных неписанных правил, но и обоснованностью или по меньшей мере неслучайностью отклонений от них. Именно эти статутные „аномалии” и станут предметом рассмотрения в настоящем докладе.

Если не брать в расчет следствий „природной” „рускомовной” вариативности – форм, мотивируемых присутствующими в „мове” влияниями, а также заимствованных окаменелостей, отражающих чужеродные (в основном польские) языковые характеристики, зафиксированные в тексте кодекса нерегулярности оказываются немногочисленными и в большинстве случаев мнимыми.

Обратимся к статутному выражению категории одушевленности.

Тенденция к грамматическому разграничению субъекта и объекта у одушевленных существительных уже в древнерусском языке, как известно, реализовалась путем вытеснения старой формы винительного падежа формой родительного. Отмечается этот процесс сначала у имен мужского рода единственного числа со значением лица, потом – с XIV века – распространяется на существительные во множественном числе, первоначально для названий лиц мужского, позже – не ранее конца XV ст. – женского пола. И только с XVII века это явление охватывает имена, обозначающие животных и птиц.⁸

Таким образом, сама долгая – растянувшаяся на столетия и не вполне завершенная к „статутному” времени – эволюция категории одушевленности пре-

⁵ M. R u d z i ŋ s k a, *Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego*, [w:] *Księga referatów II zjazdu slawistów. Sekcja I, Językoznawstwo*, Warszawa 1934, s. 104.

⁶ Ср. высказывания на этот счет специалистов: ЛС 1588 года „адлюстроўвае кульмінацыйны перыяд у развіцці афіцыйна-дзелавай мовы як у сэнсе паўнаты яе функцый, так і ў плане ўдасканалення яе выяўленчых магчымасцей” (І. І. К р а м к о, *Характар моўнай нормы Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 года*, „Беларуская лінгвістыка”, вып. 39, Мінск 1991, с. 4), „вышэйшую ступень развіцця юрыд. мовы Вялікага Княства Літоўскага” (*Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік*, Мінск 1988, с. 507–508).

⁷ І. І. К р а м к о, *Характар моўнай нормы...*, с. 7.

⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика...*, с. 209–210.

допределяет наличие в тексте кодекса некоего противостояния старых и новых форм винительного падежа.

В соответствии с ожиданиями текст кодекса скрупулезно системен в отражении новой категории лишь применительно к существительным единственного числа мужского рода со значением лица. Во всех без исключения отмеченных примерах (а их почти шестьсот) винительный падеж совпадает с родительным: ср., если бы *шлахтичъ шлахтича* на дорозе розбилъ (XI-30), хто бы тежъ ѹ права самъ стоѡчи хотель ѡставити *прокуратора* своего (IV-59) и проч.

Во множественном числе наряду с доминирующими обозначениями одушевленности встречаем также старые формы, в которых винительный падеж совпадает с именительным. Таких фиксаций в ЛС отмечается 63 (против 243 по формуле „винительный = родительный”): *богаре*, но также *богарь*^[7], *князи*^[2] // *князе*^[5], *головники*^[3], *збег*^[4] // *збеговъ*^[8], *комисары*^[3] // *комисаровъ*^[8], *писары*, *подданные*^[3] // *подданныхъ*^[24], *родичы* // *родичовъ*^[8], *свѣтки*^[6] // *свѣтковъ*^[16], *чоловеки* // *чоловековъ* и проч.⁹

Амплитуда отмеченных колебаний в использовании форм старого винительного и родительного – винительного падежей получает еще больший размах, когда дело касается существительных женского рода. На 19 примеров, соответствующих формуле „винительный = именительный”, приходится 24, в которых „винительный = родительный”: *вдовы* // *вдовъ*, *девокъ*, *дочки*^[2], *жоны*, *мѡжатки*, *всобы*^[3] // *всобъ*^[14], *панны*, *сѣстры*^[7] // *сѣстръ*, *стороны*^[3] // *сторонъ*^[4], *шлахтианокъ* и др. Стоит обратить внимание на очевидную предрасположенность к выражению одушевленности имен общего рода, служивших обозначением прежде всего мужчин: употребления словоформ *особъ* и *сторонъ* составляют три четверти представленных регистраций.

Конечно же, не случайно в материале кодекса среди примеров с грамматическими приметами неодушевленности оказалась группа слов, называющих лиц с низким социальным или служебным положением (*бѣнкарты*, *вѣзны*, *збег*^[4], *слѣги*) и незрелых особ (*ѹнуки*, *сыны*, *дочки*): при обозначении зависимых, социально неполноправных субъектов форма винительного падежа в восточнославянских памятниках письменности и печати сохраняется гораздо дольше.

Исключительно в старой форме в исследуемом тексте выступают существительные *плодь* I^[6] ‘плод, зародыш человека’ – то⁷ *плодь* сама або черѣзь кого иного тратила (XI-60) и *трупъ*^[4] – *привѣшы трупъ* передъ врадомъ маеть высвѣдчытисѣ (XIV-21).

Не менее строгой и соответствующей своему времени является система неличных существительных, в которой первостепенного внимания заслуживают названия животных. Во множественном числе подобные имена начинают отражать категорию одушевленности в 1-й пол. XVII века¹⁰, поэтому в *Статуте* ви-

⁹ Цифра в верхнем индексе, приводимая в квадратных скобках, указывает на количество статутных употреблений словоформы.

¹⁰ Для таких сущ. „категория одушевленности в I половине XVII века не установилась во множ. числе” (Г. А. Хабургаев, *Формы склонения имен существительных в курских памятниках деловой письменности первой половины XVII века*, АКД, Москва 1956, с. 10).

нительный падеж в этих случаях тождествен с именительным¹¹, напр.: блѣдѣги^[6] (кто бы з шлѣхты ... в себѣ блѣдѣги або згонные ховаль – XIV-25), соколы^[2] (з гнѣзда соколы молодые побраль – X-8), пчолы^[5] (Хто бы кому пчолы выдраль – X-14).

Словоформы же в единственном числе мужского рода не менее закономерно оказываются маркированными категорией одушевленности: ср., напр., за конѣ або за свѣрѣпѣ двѣ копы грошѣ" (XIII-5), за кѣра albo за курыцѣ калаку"кѣю двадцать грошѣ" (XIII-7), за пса домового брехѣна три копы грошѣ" (XIII-12). Но на 93 системные фиксации – барана^[2], дремлюга, конѣ^[21], кѣра^[2], лонщака^[2], медѣведѣ, пава, пса^[15], рыста, ѣжа и проч. – приходится три исключения, представленные вариантами к „правильной” словоформе звѣра^[2] (хто бы за границѣ зашѣдѣшы звѣра того добиль, застрѣлиль albo раниль звѣра – оба X-1), а именно, звѣрь^[3] (самъ таемнѣ звѣрь побиль, ажъ за звѣрь заплатѣ ѣчинить – оба X-1, естли бы хто ... стрѣлаючы на звѣрь або на птаху кого заби^а – XI-23). Аномалия оказывается мнимой: сама лексема звѣрь ‘зверь, дикое животное; звери’, неся грамматические характеристики единственного числа мужского рода (в отличие от своей параллели среднего рода¹² – звѣра ‘зверь, дикое животное’ – и всех прочих обозначений „конкретных, индивидуализированных животных”), „становится в один ряд с семантически собирательными существительными, которые и в единственном числе обычно употреблялись в форме винительного = именительного”.¹³

Очередные „правильные неправильности” выявляются вследствие наблюдений над статутowymi падежными формами.

В родительном падеже единственного числа мужского рода в результате смешения именных основ на -ѣ и -й исконное окончание -а (-я) еще в памятниках древнерусской поры начинает вытесняться окончанием -у (-ю). В старобелорусских и староукраинских текстах процесс заметного расширения сферы действия новой флексии прослеживается с конца XV века.¹⁴ В основе устанавливающихся со временем соотношений между формами с окончаниями -а (-я), с одной стороны, и -у (-ю), с другой, лежала уже не разница слов по формальным показателям принадлежности к старым именным склонениям, но их отнесенность к определенным семантическим группам и категориям.¹⁵

¹¹ Е. Ф. Карскій, *Бѣлоруссы*, „Виленскій временникъ”, т. I, Вильна 1904, с. 120.

¹² Интересно, что „слово звѣра може бути всіх трох родів” (І. Огієнко, *Українська літературна мова і український Крехівський Апостол*, Варшава 1930, с. 311).

¹³ В. Б. Крысько, *Развитие категории одушевленности в истории русского языка*, Москва 1994, с. 121.

¹⁴ См.: А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія беларускай мовы*, Мінск 1979, с. 19; В. М. Русанівський, *Староукраїнська літературна мова*, [в:] *Українська мова. Енциклопедія*, Київ 2000, с. 594; Г. А. Хабургаев, *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*, Москва 1990, с. 95. Ср. также результаты наблюдений Н. С. Антошина: „в языке молдавских грамот превалирует флексия -а (-я)” (Н. С. Антошин, *Язык молдавских грамот XIV–XV веков*, АДД, Ленинград 1961, с. 18).

¹⁵ А. А. Шахматов, *Историческая морфология русского языка*, Москва 1957, с. 240–242. Стоит, видимо, отметить, что учеными назывались также другие факторы, по меньшей мере стимулирующие развитие инновации: явления акцентологического (С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, вып. 1: *Единственное число*, Ленинград 1927, с. 148) и лексико-словообразовательного

Общая пропорция статutowых употреблений *-а (-я)*^[794] // *-у (-ю)*^[1981] не отражает масштаба процесса распространения нового окончания, так как в числе фиксаций примеров на *-а (-я)* оказываются одушевленные существительные, маркированные этой флексией на протяжении всего развития восточнославянских языков.¹⁶ Только с окончанием *-а (-я)* выступают все 598 словоформ, служащих для обозначения живых существ: люди называются по именам: Августа, Витольта, Генрыка, Жикгимонта, Казимира, Обрихта и др.; роду занятий, профессии, должности, родственным отношениям, вероисповеданию и проч.: бискуп, брата, вижа, гостя, ката, мещанина, шпекюна, пригателя, съседа, татарина и др., здесь же фигурируют названия людей незрелых и низкого социального статуса: хлопца, збегга, челедина, челядника; единичные примеры именования животных не ограничиваются сущ.: вола, коня. Правило не действует лишь по отношению к двум словоформам: плоду 'человеческому зародышу' (это слово отнеслось к разряду неодушевленных) и зверу 'зверью' (собирательное сущ.).¹⁷

За вычетом из общей статистики примеров, называющих одушевленные понятия, получаем соотношение *-а (-я)*^[196] // *-у (-ю)*^[1981], свидетельствующее о мере статutowой вариантивности окончаний. Однако наблюдаемая здесь пропорция „1/10” не может считаться показательной для всей „мовы” того времени: удельный вес инновационных форм в тексте кодекса представляется завышенным – в связи с преимущественно абстрактным характером статutowой лексики.

Согласно наблюдениям исследователей, вытекающим из анализа разнородных письменных источников, „па адлюстраванню канчатка *-у/-ю* вядучае месца ў літаратурна-пісьмовай мове займаюць рэчыўныя, зборныя і абстрактныя назоўнікі”.¹⁸ Исследуемый материал служит наглядным тому подтверждением, правда, группа предметных имен в большинстве случаев представлена существительными с вещественно-собирательной семантикой: ср. дому, замку, листу, но бобу, гороху, ечменю, кладу, чесноку и проч. Последние примеры вполне соотносимы с именами с собирательным значением: бору, гаю, зверу, зъезду, корму, лесу, народу, погною, пожытку и др. В целом же в существительных, обозначающих совокупность одинаковых субъектов или объектов как неделимую величину, новое окончание доминирует почти абсолютно. Та же мера предрасположенности к *-у (-ю)* отличает абстрактные имена: бою, грабежу, делу, домыслу, заказу, наезду, ўказу, покою, розуму и проч. В числе примеров, конечно же,

характера (В. М. Марков, *Историческая грамматика русского языка. Именное склонение*, Москва 1974, с. 51).

¹⁶ А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 17; *Історія української мови. Морфологія*, відпов. ред. В. В. Німчук, Київ 1978, с. 90.

¹⁷ „Ў дзелявых і свецкіх помніках таго часу ... пры афармленні зборных адушаўлёных назоўнікаў выступае амаль выключна канчаток *-у/-ю*” (*Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, Мінск 1988, с. 14).

¹⁸ А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 20; Е. Кедайтене, *К вопросу о языке полемической литературы Юго-Западной Руси первой половины XVII в. (на материале рукописи „Диариум” Афанасия Филипповича)*, „Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai”, т. 7, Kaibotyra 1963, с. 190.

фигурируют и заимствования¹⁹: артыкѣлу, гербу, декрету, компромисѣ, мандату, пастернаку, со"мѣ, члонку и др.

Подтверждаются материалом *Статута* также мнения о тематической закреплённости старых окончаний -а (-я) за узким кругом определенных семантических разрядов неодушевленных слов.²⁰ Сохранение флексии „по традиции”, наблюдаемое по отношению к церковным и книжным словам, в тексте кодекса реализуется в несколько изменённом виде: -а (-я) удерживается в именах, входящих в состав устойчивых оборотов: нѣтъ ведома, до живота^[5], за живота^[19], до конца^[6], до штата, з сего света^[11], с того света^[2], сугубо церковную терминологию характеризует, кажется, только употребление словоформы *костѣла*. Старое окончание, кроме того, отмечается в географических названиях: Волинь, Киева; в иноязычных именовании месяцев, равно как самом родовом понятии: генвара, месеца²¹; и, наконец, в существительных с конкретным предметным значением, т. е. словах, подлежащих счёту, напр.: берега, венца, воза, звонка, кѣста, меча, млына, носа, прѣта, столпа, ѣльа.²² Из общего ряда выпадает лишь один пример: с традиционной флексией употребляется имя с вещественно-собирательным значением: швса. Ученые давно обратили внимание на нетипичность этой словоформы²³: швса, но ечменю, шркишу, гороху, а наиболее верное объяснение аномалии в свое время предложил – не без сомнения в своей правоте – А. А. Шахматов: „влияние слов как *проса, пшена*?”²⁴

Но самым серьезным нарушением показанной системы является наличие дублетов в оформлении родительного падежа: года // году^[8], двора^[23] // двору^[13], лѣка^[2] // лѣку, шбычата^[2] // шбычаю^[16], сѣда^[16] // сѣду^[106]. Однако и в использовании этих параллелей можно усмотреть определенные закономерности. Примечательно, что в двух парах – наиболее важных для юридического текста – противопоставление грамматических вариантов несет в себе смысловозначающие свойства. Так, все тринадцать употреблений словоформы *двору* – возможно, не без влияния польского оборота *z królewskiego dworu* – относятся к ‘двору великокняжескому’, тогда как вариант *двора* выражает это значение лишь в шести примерах, а более „приземленную” семантику ‘двор; усадьба’ – в семнадцати:

¹⁹ В польском языке „przyrost form na -u widoczny jest już w wieku XV, w XVI w. zdobywa zaś przewagę” (Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa 1981, s. 268).

²⁰ См.: І. Огієнко, *Українська літературна мова...*, с. 316; *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, с. 14–15, 19–20; Л. В. Венсцьева, *До характеристики морфологічних особливостей мови молдавських грамот XV ст.*, „Вісник Харківського університету”, № 7, серія філологічна, 1965, с. 102.

²¹ Все прочие лексемы со значением времени имеют в кодексе форму на -у: часу, року, году (в отношении последнего слова, правда, встречается также единственный пример года).

²² Представленный ряд неслучайно оказывается достаточно широким: именно в предметных сущ. старое окончание сохранялось дольше всего (см.: А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 22–23).

²³ См.: Г. А. Хабургаев, *Очерки исторической морфологии...*, с. 95; Н. И. Тарабасова, *Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в.*, Москва 1986, с. 66–67.

²⁴ Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (*Учение о частях речи*), Москва 1952, с. 156.

напр., которые" з нихь слѣжилъ намѣ гдѣру ѿ двору нашего (II-7), листы нашы тако-
вые со"мовые маю" быти приношоны з двору нашего до воеводствъ (III-6) – если
бы ѿ ворота до двора не былъ пѣшонъ (IV-17), выбилъ зъ споко"ного де"жанья
з двора и с пашни дворное (IV-92). Отчетливо дифференцированным представ-
ляется также употребление форм существительного сѣдѣ: в родительном падеже
в значении 'решение, постановление судебной инстанции' фиксируется сѣда,
с семантикой же 'судебный орган' и 'правосудие как процесс' выступает сло-
воформа сѣду, напр.: кгда бы сѣдѣи полюбовные за комъпромисомъ кому презыс-
къ таки" сѣдовны" сказали ... а ѿдна бы котораа сторона сѣда ихъ того деръжати
и тому досыть чинити не хотела (IV-85), а естли ... тотъ бы застѣпца бра"ста на
иншы" зводъ хотѣчы вести ѿ сѣда врадѣ нашего на иншого застѣпцу ... то емѣ
не маеть быти дано (XIV-3) – 'судебный орган': тыми позвы позывати ... можеть
при костеле ѿ сѣдѣ на дорозе и на кождомъ мѣстѣцу (IV-17), личечы... до першого
дня на заседание сѣдѣ в семъ статутѣ ѿписаного (IV-18), 'процесс правосудия':
О порадѣкѣ прихоженѣа сторонѣ до судѣ на врадѣхъ нашихъ зе"ско" и кгородско-
мъ (pIV-53), А котори" бы с тыхъ на врадѣ былъ не"сѣлы" и не"присаглы" а вое-
вода староста сѣдѣ зуполного дати не хотѣ" (IV-37).

Следующая якобы неправильность выявляется при рассмотрении статутно-
вых форм существительных во множественном числе. Как известно, одним из
направлений общей тенденции к унификации системы склонений была наце-
ленность на объединение флексий „прямых” падежей – именительного и ви-
нительного.²⁵ Вследствие этого еще с древнерусской поры в существительных
мужского рода с основой на -ѡ в именительном падеже множественного числа
твердой разновидности склонения стало использоваться окончание -ы. В ста-
робелорусских памятниках письменности (в отличие от староукраинских²⁶) слу-
чай обращения к исконной флексии -и встречаются изредка, преимущественно
в текстах религиозных жанров и только в одушевленных существительных.²⁷

Единичные статутные примеры словоформ на -и, будучи каплей в море
нормативных употреблений, вызваны к жизни влиянием польского языка:
кашталяни (но кашталянове^[2], ср. польск. *Kasztelani*), прелати (польск. *pralaci*),
цыгани (польск. *cygani*, хотя здесь можно также усматривать результаты пута-
ницы флексий вследствие смешения исходных форм *циганѣ* и *циганинѣ* – имени-
тельный множественного числа *цигане*, *цигани*, *цыганы*²⁸). Особняком в данном
случае стоит хрестоматийный пример сохранения старого -и в словоформе сѣсѣ-
ди (но сѣсѣды).²⁹ Все прочие фиксации строго соблюдают узусные граммати-
ческие правила той поры: в существительных множественного числа, восходящих
к твердому варианту склонения прежней основы на -ѡ, в именительном падеже

²⁵ См.: Г. А. Хабургаев, *Очерки исторической морфологии...*, с. 144.

²⁶ При выборе варианта флексии здесь, как известно, учитывался еще и фонетический „фактор” –
смещение и – ы.

²⁷ См.: *Мова беларускай письменнасці XIV–XVIII стст.*, с. 64.

²⁸ См.: *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. II, Київ 1978, с. 526.

²⁹ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика...*, с. 201.

используется окончание *-ы*: артыкѣлы, возы, енералы, записы, кгрѣнты, листы, мандаты, шпекѣны, послы, станы и проч.; имена с основой на *з, к, х* употребляют флексию *-и*, что, однако, не оборачивается смягчением заднеязычных в свистящие: береги, долги, заграничники, збеги, кѣпчыки, маршалки, роки, шбовѣзки, пастухи, торги и проч.

Вполне закономерно в кодексе отсутствуют примеры словоформ с окончанием *-а*: подобные новообразования, спорадично встречаясь уже с XIV века, представляют собой типично русское явление, нехарактерное белорусскому и украинскому языкам.³⁰ Эта флексия отмечается лишь в одной словоформе, отражающей мягкий вариант склонения – *привильѣ*, но в этом случае решающим оказывается влияние польских образцов, где „od najdawniejszych czasów obce rzeczowniki nijakie na *-um* ... w liczbie mnogiej przybierają końcówki odmiany *nijkiej*”³¹).

В творительном падеже множественного числа инновационные формы существительных на *-ами* в „статутное” время довольно тяжело преодолевали сопротивление конкурентов – как „старинных форм”, так и „образовавшихся неорганически, в подражание им”.³²

Сохранение архаичной флексии у существительных, соотносимых с былой основой на *-ѣ*, кодекс иллюстрирует многочисленными примерами типа возы^[2], долги^[2], знаки^[7], кглеѣты, шбовѣзки, позвы^[95], почты^[6], станы^[15], статки^[2], чоловіки^[3] и др. Казалось бы, подобные образования, характеризуясь омонимией флексий творительного и именительного – винительного падежей, должны были подвергнуться метаморфозам, в результате которых старые окончания заменились бы новыми, обладающими более выразительным показателем падежно-числового значения.

Уже само контекстуальное окружение существительных в старом творительном. Указывает на осознание авторами правового текста грамматической двузначности исконных форм. Не случайно имена мужского и среднего рода с флексией *-ы (-и)* в творительном падеже употребляются преимущественно в сочетаниях с предлогом или в сопровождении прилагательных, причастий и некоторых разрядов местоимений на *-ми*, при количественных числительных в творительном падеже, а также в составе конструкций с однородными членами предложения, напр.: *ѡ ѡменахъ грѣхѣны нашими зъ грѣхѣны шляхецьскими – III-50, з обовѣзки в немъ ѡписаными – VII-8, с чотырма члѣвекѣ – XIV-10, тыми ѡдними правы и артыкѣлы – I-1, передъ родичами або прѣдѣлы своими – XI-13, з добры и имеными шляхецьскими – III-33.* Необходимость ввода в контекст соответствующего окружения, раз за разом проявляющего грамматические характеристики словоформ на *-ы (-и)*, казалось бы, серьезно ослабляет позиции

³⁰ См.: Ф. П. Филин, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Ленинград 1972, с. 395–401.

³¹ Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk, *Gramatyka historyczna...*, s. 309.

³² Е. Ф. Карский, *Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи*, „Русскій Филологическій Вѣстникъ” 1890, т. 24, с. 218.

последних в борьбе с конкурентами. Статистика же употреблений о какой-либо „слабости” архаичной словоформы отнюдь не свидетельствует: *-ы (-и)*^[308] // *-ми*^[109] // *-ами (-ями)*^[147]. Более того, мера доминанты форм на *-ы* в „статутowych” именах мужского и среднего рода является на фоне многих других „рускомовных” текстов того времени (прежде всего актов ой письменности, как более близкой к отражению тогдашней речевой практики) преувеличенной.

Объяснение тому кроется в специфике самого текста свода законов. Еще Е. Ф. Карский заметил, что окончание *-ы (-и)* „господствует... в заостеневших юридических терминах”.³³ Устойчивые конструкции, воспринимавшиеся некогда как нормативные канцелярские формулы, включают в себя не менее половины всех статутowych употреблений с исконной флексией: вечными часы^[21] – *вбецѣмъ и ѹставуемъ вечными часы*; доводы^[2] – *за слѣшными правными доводы, главными доводы*; знаки^[7] – *за слѣшными знаки*; листы^[25] – *за листы нашими (гдѣрскими)*; паны радамы^[15] – *мы сами гдѣрь и с паны радамы нашими*; позвы^[95] – *за позвы стати*; станы^[15] – *межы станы Корѹны польское и Вѣликого княства Литовского*; словы^[31] – *тыми словы, голыми словы* и проч.

Неучет подобных примеров в статистике употреблений словоформ с конкурентными окончаниями выводит на первоплановые позиции инновационные образования.

Следующей иллюстрацией обоснованности статутowych аномалий послужат словообразовательные характеристики прилагательных и причастий. Особенностью истории развития *participia* было постепенное утверждение форм с двойным суффиксальным *-нн-*. По мнению А. И. Соболевского, такие написания „обязаны своим происхождением влиянию отпричастных прилагательных на *нѣнь*”.³⁴ В древнерусском языке подобные формы отмечены с XIII в., на западнорусской же языковой почве – гораздо позже: „у помніках XVI–XVII стст., переважна у формах кнїжнага характару тыпу *благославленный*”.³⁵

В тексте *Статута* причастия последовательно употребляются с одним *н*. Строгость этого правила такова, что разница в написаниях „*-ный* – *-нный*” может служить критерием для разграничения причастий и прилагательных.

Употребление двойного *нн* не является правилом даже для отглагольных генетически образований, перешедших в прилагательные и выступающих, скажем, в составе сложных терминов: сторона *вбражонаѣ*^[11], сторона *позванаѣ*^[41], сторона *ѹкривжонаѣ*^[16], листъ *ѹвороны*^[27], рокъ *завитыѣ*^[114] и др.; сращениях, представляющих канцелярские штампы³⁶: *верху мѣнованыѣ*^[7], *вышеѣ* *замероныѣ*^[3],

³³ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 150.

³⁴ А. И. Соболевский, *Лекции по истории русского языка*, Москва 1907, с. 262.

³⁵ А. М. Булыка, А. И. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 305.

³⁶ Любопытно, что в русских (московских) канцелярских документах невысокого ранга при достаточно регулярных записях с одним *-н-* сложения типа *вышеписанный*, *вышеозначенный*, *преждереченный* выступают с *-нн-*. Приводящая эти данные А. Болек полагает, что „*zapisy owe wytłumaczyć można prawdopodobnie tym, że dane formy były odczuwane przez piszących jako obce ich językowi mówionemu, a więc «lepsze» od form używanych w ich codziennej praktyce językowej*” (А. Болек, *Charakterystyka morfologiczno-syntaktyczna imiesłowów piśmiennictwa Rusi Moskiewskiej XVI–XVII wieku*, Kraków 1990, s. 109).

звыш прѣдречоны", ниже" ѡписаны"^[32], ниже" постановены"^[2] и проч.; как дериваты с частицей *не*: невычайна^[8], непереконы"^[2], неподо"зрены"^[33], нескробаны"^[2], неѡпривильеваны"^[3] и др.

Единичные исключения оказываются весьма примечательными. Так, наряду с регулярными „правильными” употреблением форм причастия даны, напр., прирекаемъ вси привильѧ земьские стародавние и ново ѡтъ насъ *даные* вольности и звычаи добрие стародавние ховати (III-15), в кодексе однажды регистрируется: естли бы колько братьи або Ѹчастниковъ держжали ѡдно имѣнье себрене люди тѧглые або *даньные* неделеные, а кому бы се ѡ того имѣнья и люде" кривда *дегала* (IV-66). Однако слово *данные* в этом контексте никак не связано с глаголом, это отыменное образование: люди данные – те, кто платит данину, подать, т. е. данники.³⁷ На фоне иных отглагольных производных ошибочным может представляться статутное употребление с двумя -нн- слова *рукоданный*: которые бы шлѧхта *слугами рѧкоданными* бѹдучими, а з часомъ зашкодивши и пановъ своихъ зрадивши ... ѡ нихъ прочъ Ѹтекали (XI-28). Но выделенный оборот отнюдь не значит ‘слуга, данный, переданный собственноручно’, это калька с польского *sluga rękodajny*. По словам З. Глогера, „dworzanin, który mógł podawać rękę swemu panu lub pani przy usługach, wsiadaniu na koń lub do pojazdu i wysiadaniu, nazywał się «rękodajny», gdy chodziło o wyróżnienie od pacholków, którzy nie mieli do tego prawa”.³⁸

И даже о единственной – на несколько сотен „правильных” употреблений – статутной фиксации неадъективированного причастия с двумя *нн* приходится говорить с долей сомнения: в предложении естли бы тотъ истецъ котори" имѣнье заставиль передъ *рокомъ* на выкупѣнье ѡного имѣнья *записанымъ* Ѹмеръ, тогды потомъ хотѧ бы и ѡны' *рокъ записны'* минѸль волно бѹдетъ потомъкомъ або бли"скимъ его ... тую заставѸ ѡдержати (VII-21) можно усмотреть нарушение корреляции между ошибочным, на наш взгляд, свободным словосочетанием *рокъ записанный* и устойчивым терминологическим оборотом *рокъ записный*.

Для представления статутных „неправильностей” в глагольном употреблении обратимся к фиксациям в формах 3-го лица настоящего и будущего времен. Их использование в РМ в целом имеет „вельмі стракаты малюнак”³⁹, что в тексте кодекса подтверждается наличием шести (!) разновидностей образований: на -ть,⁴⁰ -ть⁴⁰, -т, т-выносное и двух вариантов с усечением финали.

³⁷ „Даннікі – «людзі дынныя», катэгорыя феадальна-залежных сялян ВКЛ у 14–16 ст., галоўнай павіннасцю якіх была даніна прадукцыяй сялянскіх гаспадарак” (*Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя*, т. 1, Мінск 2005, с. 577).

³⁸ Z. Głogier, *Encyklopedia staropolska*, t. 4, Warszawa 1985, s. 162.

³⁹ *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, с. 173.

⁴⁰ Сразу следует оговориться, что одной из характеристик статутной орфографии является дифференцированное использование ь, ы: правилом является постановка ь после твердых согласных, а ы после мягких. Ср., напр., данные по количеству употреблений „ера” и „еря” в отглагольных сущ. на -ње, -тье: -нь[ɟ]^[2650] // -н[ɟ]^[275] // -нь[ɟ]^[24], -ть[ɟ]^[135] // -[ɟ]^[10] // -ть[ɟ]^[10]. В тех же позициях перед „йотом”, но после отвердевших в результате разных „рускомоновых” фонетических процессов губно-зубного в, губного л, а также ж, ч и ı видим обратную картину – преобладание разделительного ь (76 примеров против 15 при

Основным для раннего периода старобелорусской и староукраинской письменности было мягкое окончание *-ть*, перешедшее в западнорусские памятники из древнерусского языка.⁴¹ Расширение употребляемости здесь в XVI–XVII ст. новой, исключительно книжной флексии *ть*⁴² связывают как с усилением церковнославянского влияния⁴³, так и возможностями воздействия живого украинского произношения.⁴⁴

Формы 3-го лица настоящего и будущего времен с выносным *т* активизируются с конца XV в. – в связи с усвоением приемов полууставного письма. Но особенно широкое распространение они получают именно в XVI ст. Ближе к рубежу этого же века в отдельных западнорусских текстах отмечается значительное число рассматриваемых глагольных форм без личного окончания.⁴⁵ Будучи известными – как отражение диалектных особенностей – уже древнейшим памятникам славянских языков⁴⁶, эти формы и в РМ могли представлять собой регионализмы – явления, локализованные в южнобелорусских говорах⁴⁷ и украинской простонародной речи⁴⁸, но кроме того свидетельствовали о равнении на польские образцы.⁴⁹

На фоне всей „рускомовной” картины описываемых форм, модифицирующейся как раз в „статутовое” время, употребления из текста кодекса заслуживают особого внимания – как лежащие на границе между старым и новым. Не случайно именно свод законов 1588 года называется А. И. Журавским в числе „па сутнасці, апошніх помнікаў, дзе формы на *-ть* застаюцца пануючымі”, но одновременно „з’яўляецца першай друкаванай кнігай, дзе формы на *-ть* выступаюць у значэнні факультатыўнай нормы”.⁵⁰

Статистика употребительности здесь главных конкурентных образований, равно как занимающих промежуточное положение форм с выносным *т*, действительно, позволяет говорить о начальной стадии инновационных процессов, едва

наличии 23 выносов): *-въ[j]*^[41] // **[j]*^[51] // *-въ[j]*^[25], *-пъ[j]*^[11] // *-пъ[j]*^[7], *-жь[j]*^[9] // **[j]*^[14] // *-жь[j]*^[31], *-чъ[j]*^[0] // **[j]*^[31] // *-чъ[j]*^[51], *-цъ[j]*^[11] // **[j]*^[11] // *-цъ[j]*^[8].

⁴¹ См.: Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 255; *Історія української мови*, с. 315.

⁴² А. І. Жураўскі, *Мова Статута*, с. 504.

⁴³ А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 243.

⁴⁴ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 259.

⁴⁵ А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 244.

⁴⁶ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 256.

⁴⁷ См.: У. В. Анічэнка, *Беларуска-украінскія пісьмова-моўныя сувязі*, Мінск 1969, с. 43.

⁴⁸ См.: П. Житецкий, *Очерк литературной истории малорусского нарѣчія въ XVII и XVIII вв.*, ч. I, Киев 1889, с. 104. Позже, на начальных этапах развития нового украинского литературного языка, относительно широкое употребление глагольных форм 3-го лица ед. числа 1-го спряжения без *-ть* станет чертой, которая – в числе прочих – будет отличать „язык украинской народности ... от языков великорусской и белорусской народностей” (А. А. Москаленко, *Становление украинского национального языка*, [в:] *Вопросы образования восточнославянских языков*, Москва 1962, с. 112).

⁴⁹ См.: А. І. Жураўскі, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, т. 1, Мінск 1967, с. 290. Не случайно формы без *-т* выступают „у якасці варыянтнай нормы ... пераважна ў перакладовых свецкіх і рэлігійных творах”, таких как хроники А. Бельского и М. Стрыйковского, переводы *Псалтыри* сер. XVI в. и Библии нач. XVII в. и проч. (*Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, с. 176).

⁵⁰ *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.*, с. 174, 177.

набирающих силу, но уже системно обозначенных. Если не брать в учет „очень распространенного” во многих западнорусских текстах полонизма *есць*⁵¹ (ср. в ЛС: *есть*^[161] // *ес*^[19] // *ест*^[11] // *есть*^[151]), соотношение вариантных форм 3-го лица единственного и множественного чисел в глаголах настоящего и будущего времен выглядит следующим образом⁵²: *-мь*^[4678] // *-м*^[414] // *-м*^[147] // *-мь*^[161] // *Ø*^[5].

В комментарии отметим некоторые особенности употребления форм, конкурентных основной. Почти в половине всех фиксаций с выносным *т* выбор варианта окончания представляется вынужденным, так как эти примеры приходится на конец строки. Огромная – тридцатикратная – диспропорция между формами на *-мь* и *-м* практически снимает вопрос, „как смотреть на это *т*, вынесенное над строку”⁵³ – здесь следует видеть *т* мягкое.

При оценке количественных показателей форм с твердой флексией *-мь* обратим внимание на весьма умеренное число регистраций. Их удельный вес, наверное, мог бы быть еще скромнее, если б типографы Мамоничей ненароком не обращались к своему прежнему опыту, накопленному при работе с церковнославянскими текстами.

Единичные употребления форм без *-м* – за исключением откровенных полонизмов: таковымъ ѿприсѣженьемъ ма бы^т воленъ (VII-30), тотъ ма быти горломъ каранъ (XIV-17) – следует трактовать скорее не как отражение живого диалектного произношения, а технический брак типографов: пропуск выносного *т* в условиях, когда его постановке мешает „нависающая” сверху литера. Как „недопечатку” следует, по всей видимости, трактовать и единственный пример употребления без *-м* глагольной формы будущего времени: а голо^шщина навѣзка и шкоды ѿ што будѣ позвано (IV-30); во втором издании свода законов (1591 года) будѣ исправлено здесь на будѣть.

И последние из зафиксированных в *Статуте форм* – с твердым безъеровым *т* – заслуживают наибольшего внимания. С одной стороны, они нарушают прослеживаемое в тексте кодекса правило еровой маркировки конца слова, с другой, показывают алогичную, на первый взгляд, предрасположенность к преимущественному использованию в формах буд. времени:

наст.: *-мь*^[2950] // *-м*^[223] // *-м*^[14] // *-мь*^[97] // *Ø*^[4]

буд.: *-мь*^[1728] // *-м*^[191] // *-м*^[133] // *-мь*^[64] // *Ø*^[1].

Анализ контекстуального употребления глагольных образований на безъеровое *-м* показывает, что почти все они приходится на формы, объединенные в акцентное целое с энклитиками. Оставив в стороне разовые случаи таких фиксаций, представленных возвратными глаголами (*беретсѧ, деютсѧ, ѡборочаютьсѧ* и нек. др.), обратимся к куда более показательным примерам типа *маетсѧ ѡповѣдати вѣрови* (XII-24), *могутсѧ проти^а него заховати* (XI-57) и под. Час-

⁵¹ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 259.

⁵² В число анализируемых включены также употребления чрезвычайно активного в кодексе глагола *маеть*, в сочетаниях с инфинитивами выражающего значение долженствования: ед.: *маеть*^[1697] // *мае*^[128] // *мает*^[2] // *маеть*^[57] // *Ø*^[5] (*мае*^[1], *ма*^[2]); множ.: *мають*^[538] // *маю*^[141] // *мають*^[2] // *мають*^[7].

⁵³ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 259.

тица **сѧ** здесь, формально объединяясь в комплексы с глаголами наст. времени, по сути соотносится с инфинитивами, стоящим в постпозиции.

Еще более наглядно правила особой трактовки акцентных целых проявляются в употреблении глагольных форм 3-го лица будущих времен, особенно *futurum primum*. Почти все полторы сотни образований, заканчивающихся на безеровое твердое **-т** – за исключением двух примеров (станетсѧ, ѹвидитсѧ) – отмечаются в составе конструкций „глагол буд. времени + частица *ли*”, используемых в РМ для выражения условного действия:

– а *забѣтѧ* шлѧ^тиць простого члѣвека, тотъ кгвалтъ ... платити маеть (XIV-26), а где бы хто мель слѣгу нѣприказного а ѡнь ему шкодѣ вчинивши втѣчетъ про“, тогда ѹгонитѧ его панъ в дорозе ... маеть его сѣдити (XII-22), и домучитѧ сѧ злоде^тства тотъ ма быти горломъ каранъ (XIV-17) и проч.

– а *будутѧ* роки положоны, ино по выстью роковъ тому досытъ ѹчинити (IX-24), а *всхочутѧ* такие листы ... до книгъ врадовыхъ земьскихъ ѹвести и с книгъ видимѣсы собе брати, то имъ волно бѣдѣть (IX-26), а *скажутѧ* им доводъ albo ѡводъ, тогда ѡни водлѣтъ привилевъ ... присегу чынити мають (IX-14) и проч.

Наборщики, несомненно, трактовали выделенные обороты как обособленные единицы текста и подчеркивали это не только слитным написанием, но и формой глагольного окончания.

Статутная практика обозначения минувшего действия – в целом представленная развернутой системой – в свете затрагиваемой проблематики интересна прежде всего формами перфекта.

Процесс разрушения старого аналитического *perfectum*, начатый еще в древнерусскую пору⁵⁴, прошел через ступень более ранней утраты вспомогательного глагола в 3-м лице единственного и множественного чисел, т. е. в формах, когда в использовании *есть* и *суть* „не чувствовалось особенной надобности”.⁵⁵ Именно этот промежуточный этап эволюции рассматриваемой глагольной категории получил отражение в старобелорусских текстах, где отсутствие связки в 3-м лице было нормой.⁵⁶

Статутная практика строгой дифференциации в использовании перфектных образований (старых – аналитических – по отношению к глагольным формам 1-го и 2-го лица и новых – представленных бывшим причастием на **-ль** – по отношению к формам 3-го лица) служит примером образцового следования общему „рускомовному” правилу во всех нюансах и тонкостях его применения.

Законодательный текст с учетом специфики своего содержания не богат глагольными формами 1-го и 2-го лица. Оказии к их употреблению появляются исключительно в текстах присяг, а также обращений от имени Его королевской милости. При этом индивидуальный характер принимаемых в присяге обязательств и заверений предполагает использование форм единственного числа, церемониальное же королевское „мы”, напротив, множественного.

⁵⁴ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика...*, с. 283.

⁵⁵ А. И. Соболевский, *Лекции по истории русского языка*, с. 239.

⁵⁶ См.: А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, *Гістарычная марфалогія...*, с. 230.

Практически все примеры обращения к перфекту в форме 1-го и 2-го л. *singularis* сосредоточены в двух фразах: што *есми мени* на тебе жебы ты быть неучастивое матьки и нечистого ложа сынъ, томъ на тебе *брехалъ* тако песь (III-28), жемъ а в то зваде раненъ, а не ведаю ꙗкого за прычиною твоею, жесь свечъ *згасиль*, и на то бы доводъ учинилъ, же свечъ *згасиль* (XI-11).

В формах – (то)мъ ... брехалъ и (же)сь ... згасиль – видим полонизированные образования⁵⁷, где вспомогательный глагол выступает в сокращенном виде, при-мыкая к другим словам. Пропуск вспомогательного глагола во вторичном употреблении же свечъ згасиль является вполне закономерным: в перфекте „связка отсутствует при повторении глагольного сказуемого”⁵⁸.

Формы 1-го лица множественного числа – есмо учинили⁽²⁾ // учинили есмо⁽²⁾, приложили есмо, (есмо...) пописали – достаточно последовательно фигурируют в составе если не устойчивых, то регулярно воспроизводимых оборотов: по тою жь присею, которую учинили есмо всимъ обывателемъ всихъ земель панства нашего (I-1, а также III-1, III-5, III-12), А для лешого певности ты вси описаны рече приложили есмо печати свои до того и руками властными пописали (III-3).

Но в трех контекстах эти перфектные по происхождению образования представлены без вспомогательных глаголов: тако проки наши великие князи литовские такъ и мы не звыкли никомъ ... земель давати (III-5), гдѣ жь и мы Стефанъ бою млтью король польскы ... в томъ же помененомъ порадку сдовъ обывателе здешнего панства *знашли* и *застали* (IV-1), А прото мы тому тако шкодливому звычайи в панстве нашомъ ... не хотели допустить больше шыритиса (XI-14). Но и эти, на первый взгляд, отклонения от нормы находят объяснение в „рускомовной” практике: в каждом из приведенных предложений в роли подлежащего выступает личное местоимение, а оно „часто избавляет от необходимости ставить при причастии на -лъ еще вспомогательный глагол”⁵⁹.

В 3-м лице перфект со связкой отмечается лишь в одном примере *подълегли* суть⁶⁰, который правильнее было бы трактовать как кальку польского оборота, включающего в себя краткую именную (!) форму глагола – *sq podlegli*. Все прочие употребления (всего 644 фиксации) наглядно демонстрируют эффективность длительного процесса разрушения древнего перфекта и его превращения в единую форму прош. времени.

Ряд отраженных в тексте кодекса языковых явлений, отчетливо нарушающих общую статистику, но при ближайшем рассмотрении представляющих вполне обоснованными, можно было бы продолжить. Их наличие можно смело отнести к исключениям, которые только подтверждают правило: „русская мова” являет собой строгую и упорядоченную, но непривычно многовекторную систему.

⁵⁷ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 285.

⁵⁸ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика ...*, с. 346.

⁵⁹ Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2–3, с. 283.

⁶⁰ ꙗ владниковъ ... которые праву посполитому и службе земско военню *подълегли* сѣть (III-32).

Совсем необязательным, таким образом, оказалось следование словам одного из составителей кодекса, человека „великой науки” Августина Ротундуса, написавшего в предисловии к своему переводу Статута на латинский язык: „Należy więc albo po łacinie pisać prawa, albo ułożyć stałe prawidła gramatyczne dla języka ruskiego”.⁶¹

Письменной кодификации „мовы” станы ВКЛ так и не дождались, но и без нее языковой механизм действовал „по правилам”.

Summary

The paper presents an interpretation of some ‘non-standard’ linguistic phenomena recorded in the codex’s text, which are exceptions in the ‘Russian dialect’ of the Statute. These irregularities are chiefly of morphological character. These are: unstable ways of expressing the category of the animate, deviations from the variant norm in the use of Genitive endings of masculine and neuter nouns, the Nominative-Accusative and the Instrumental in the plural; the use of the *-m* ending in the third person of the Present and the Future; deviations from the norm in the use of old analytical and new perfective forms, and the like. On closer analysis all these ‘abnormalities’ turn out to be fully justified or at least not accidental. They are the exceptions that only prove the rule: the ‘Russian dialect’ is a structured but extremely multivariant system.

⁶¹ Латиноязычный оригинал вслед за Я. Якубовским воспроизводим в польской переводной версии, см.: J. Jakubowski, *Studia nad stosunkami narodowościowymi...*, s. 70.

